

ПРОБЛЕМА СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ИСЧЕЗАЮЩЕМ ЯЗЫКЕ

(Вестник ПСТГУ III: Филология. Вып. 2 (32). Стр. 30-44)

В связи с происходящим в наше время катастрофическим сокращением числа живых языков наиболее актуальной задачей лингвистики является сбор фактического материала (документирование) и описание тех языков, которые находятся под угрозой исчезновения. Из проблематики, связанной с исчезающими языками, значительный интерес с собственно лингвистической точки зрения представляют структурные изменения, характерные для них. Общий вопрос формулируется так: что происходит с фонетикой, морфологией, синтаксисом и словарём исчезающего языка? Исчезающий язык является в определённом смысле лабораторией, в которой процессы эволюции языка могут наблюдаться в момент их совершения. При этом необходимо разграничивать изменения, вызванные внутрисистемными факторами, и изменения, которые вызваны экстралингвистическими факторами, связанными с условиями существования языка. В статье рассматривается лингвистическая ситуация в селе Старошведское (Gammalsvenskby) и приводятся примеры из шведского диалекта села.

Документирование исчезающих языков

как основная задача современной лингвистики

Исчезающим языком (англ. *endangered language*) является тот язык, число носителей которого приближается к нулю. Это может быть связано либо со смертью последних носителей, либо со сменой языка (*language shift*), когда область его применения всё более сужается, вследствие чего никто не может пользоваться данным языком ни в каком контексте (*language obsolescence*). Список живых языков мира в настоящее время состоит из 6909 названий¹. Соотношение этого числа языков с числом населения Земли крайне непропорционально: более половины людей в мире распределяется между 20 крупнейшими языками. В целом, по расчётам Д. Кристалла, 96% населения Земли говорит лишь на 4% языков. Соответственно, лишь 4% людей говорит на 96% языков². По пессимистической оценке, в течение XXI века 90% языков мира либо исчезнут, либо будут близки к исчезновению³. По «оптимистическому» прогнозу, к 2100 году исчезнет половина языков мира⁴. Происходящая сейчас катастрофа, заключающаяся в исчезновении языков, является общемировой и, следовательно, беспрецедентной по своей

Выражаю благодарность директору Российско-шведского центра РГГУ Т. А. Тоштендаль-Салычевой, без чьего содействия данное исследование было бы невозможно.

¹ P. Austin, J. Sallabank. Introduction // *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*. Cambridge: University Press, 2011, p. 3.

² D. Crystal. *Language Death*. Cambridge: University Press, 2000, p. 14.

³ M. Crauss. The World's Languages in Crisis. In: K. Hale, M. Crauss, L. Watahomigie, A. Yamamoto, C. Craig, L. V. M. Jeanne, N. England. *Endangered Languages* // *Language*, vol. 68 (№1), 1992, p. 7.

⁴ D. Crystal. *Op. cit.*, p. 19.

глобальности. Однако в отличие от других бедствий она происходит незаметно и не привлекает к себе широкого внимания, в том числе со стороны лингвистов. Между тем, для языкознания исчезновение живых языков означает, в частности, потерю его важнейшего предмета изучения. Первоочередным (и минимальным!) ответом лингвистов на эту ситуацию является документирование и лингвистическое описание малых и исчезающих языков. Само по себе документирование не спасает язык от исчезновения, однако это лучше, чем ничего: недокументированный язык исчезает **бесследно и навсегда**, тогда как документирование означает, что язык теряется хотя бы не бесследно.

Катастрофа исчезновения языков была уже достаточно давно осознана наиболее дальновидными лингвистами. В 1997 г. выдающийся австралийский лингвист Р. Диксон писал: «Самая важная задача лингвистики сегодня — на самом деле, единственная действительно важная задача — это взять на себя труд выйти в поле и описывать языки, пока это ещё возможно... Если бы каждый изучающий лингвистику (а также каждый преподаватель) в настоящее время работал хотя бы над одним языком, требующим изучения, перспективы полной документации исчезающих языков (пока эти языки ещё не исчезли) были бы радужными. Сомневаюсь, что хотя бы один лингвист из двадцати занят этим»⁵. В современной лингвистике приходится сталкиваться со стремлением к созданию новых подходов, теорий и интерпретаций; добросовестная работа с фактическим материалом в таком контексте неизбежно перестаёт быть приоритетом. Чувства Диксона, высказанные в приведённой цитате, понятны: изучение исчезающих языков — это, прежде всего, получение и введение в научный оборот нового фактического материала. Если же акцент делается на теоретизирование, полевая лингвистика и документация исчезающих языков теряют питательную почву. Диксон перечисляет двадцать (!) лингвистических теорий, возникших на Западе во второй половине XX в. (шесть из них связаны с Хомским), и замечает, что если теории генерируются и сменяют друг друга с такой скоростью, это является признаком того, что лингвистика находится в состоянии “off balance”⁶. Таким образом, при современном положении дел наиболее актуальной задачей лингвистики является описание тех языков, которые находятся под угрозой исчезновения. Это изучение включает в себя следующие базовые этапы: организация экспедиций к местонахождениям исчезающих языков; интервьюирование носителей с

---

⁵ R. M. W. Dixon. *The Rise and Fall of Languages*. Cambridge: University Press, 1997, pp. 144, 137. Отдельные высказывания Диксона, сделанные в этой книге, нельзя признать справедливыми; эти высказывания, впрочем, не связаны с рассматриваемой здесь темой и касаются глубинной лингвистической реконструкции и ностратики. Ни в коей мере не разделяя взгляды Диксона на ностратикку, мы вполне согласны с его высказываниями об описании исчезающих языков как о наиболее актуальной задаче современной лингвистики.

⁶ *Ibid.*, p. 131.

целью максимально тщательного и полного сбора фактического материала по фонетике, морфологии, синтаксису и лексике; составление грамматик и словарей и введение их в научный оборот.

Диалект села Старошведское: общие сведения

Несмотря на то, что в Европе находится только 3% языков мира⁷, неописанные языки и диалекты есть даже здесь. В 2004 г. в селе Змиевка в Херсонской области нами был обнаружен шведский диалект, современное состояние которого было неисследовано. Это село (которое в XIX в. называлось Старошведское) было основано в 1782 г. переселенцами с острова Дагё в Балтийском море. Родным языком основателей села был не литературный шведский того времени, а диалект о. Дагё, который является одним из шведских диалектов Эстонии. Таким образом, диалект Старошведского восходит к диалекту о. Дагё. По русским источникам, число первопоселенцев составляло 880 человек⁸. Перед революцией число шведов составляло 718 человек⁹. В настоящее время общее число лиц, хотя бы в минимальной степени владеющих диалектом, не превышает двадцать человек. Все носители консервативного варианта диалекта — женщины не моложе семидесяти лет. Современное Старошведское — это большое и не вымирающее село, однако оно до сих пор является сравнительно труднодоступным и изолированным. В результате первой экспедиции стало ясно, что диалект сохранился как целостная языковая система и что его обнаружение является крупным лингвистическим открытием. Нами была поставлена задача подробного описания диалекта. Работа началась с выбора информантов для построения базовой грамматики, были проведены беседы со всеми носителями. Основным критерием при этом была степень стабильности словоизменения и объём словаря. Характерной чертой лингвистической ситуации в Старошведском является то, что носители диалекта неоднородны с точки зрения языковой компетенции. Отсутствие единообразия языковой компетенции — частая черта коллектива носителей исчезающего языка. Основными типами, которые выделяются в литературе, являются *fluent speakers*, *semi-speakers*, *terminal speakers*¹⁰, т.е. носители с языковой компетенцией высокого, среднего и низкого уровня. Носители с высоким уровнем компетенции также

---

⁷ Азия — 33%, Африка — 30%, Океания — 19%, Северная и Южная Америка — 15% (Cambridge Handbook of Endangered Languages, p. 5).

⁸ Писаревский Г. Переселение шведов с острова Даго в Новороссийский край. По документам Государственного архива // Русский Вестник. 1899. Кн. III. С. 249.

⁹ Список населённых мест Херсонской губернии по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Издание Херсонской Губернской Земской Управы. Александрия, 1917. С. 126.

¹⁰ N. Dorian. The Problem of the Semi-Speaker in Language Death // International Journal of the Sociology of Language, 1977 (12), pp. 23–32; C. Grinevald, M. Bert. Speakers and Communities // The Cambridge Handbook of Endangered Languages, pp. 49–51.

называются «консервативными». В нынешнем Старошведском имеются все эти типы носителей. Вариант диалекта тех, у кого родители были шведами и кто говорил на диалекте как на основном языке в детстве, отличается от варианта тех, у кого родители (или один из родителей) не были шведами и кто, соответственно, не говорил на диалекте в детстве. Первую группу составляют носители с высоким уровнем языковой компетенции; их вариант диалекта определяется, таким образом, как консервативный. Представители второй группы овладели диалектом в качестве второго или третьего языка. Они являются носителями со средним уровнем языковой компетенции. Кроме лингвистических соображений при выборе информантов, не могли не приниматься в расчёт и личные качества: контактность, наличие свободного времени, способность внятно отвечать на задаваемые вопросы, чёткость произношения (следует учитывать, что носители — пожилые люди). К счастью, те носители, которые в наибольшей степени соответствуют лингвистическим критериям, оказались наилучшими информантами и с точки зрения личных качеств. Наша полевая работа вплоть до 2012 г. заключалась в интервьюировании следующих трёх носителей: Анна Семёновна Лютко, Лидия Андреевна Утас, Мелитта Фридриховна Прасолова. Они владеют наиболее консервативным (можно сказать, наиболее «экстремальным») вариантом диалекта. Большинство форм, фраз и повествований получено от Л. А. Утас. Она обладает уникальной памятью: по её собственным словам, многие из названных ею слов она последний раз слышала или употребляла более полувека назад. При этом в большинстве случаев она легко называет словоформы, необходимые для построения парадигм, и даёт примеры употребления слов. Кроме того, записанные нами повествования носителей о старых временах часто имеют историческое и культурологическое значение. К настоящему времени опубликовано базовое описание фонетики и морфологии консервативного варианта диалекта.

Следует, однако, иметь в виду, что описание консервативного (или «радикального») варианта диалекта даёт далеко не полную картину его состояния. В действительности мы имеем не единый диалект, общий для всех носителей и подобный стандартному литературному языку, а целый ряд вариантов диалекта, которые различаются чрезвычайно существенно. Чтобы получить более полное представление о реальном состоянии диалекта, необходимо исследование всех его вариантов. В ходе экспедиции 2012 г. мы приступили к изучению диалекта среднекомпетентных носителей. Основным информантом стала Эмма Утас (далее ЭУ). Её мать была немкой, отец шведом, однако он рано умер, поэтому её основным языком в детстве был немецкий. Шведский диалект был освоен ею после войны, в ходе устного общения с его носительницами. В село регулярно приезжают группы шведов-туристов (в летние месяцы приблизительно раз

в две недели); носители диалекта, в том числе ЭУ, общаются с ними, поэтому стандартный шведский язык также знаком ей.

Проблема структурных изменений в исчезающем языке

Из проблематики, связанной с исчезающими языками, наибольший интерес с собственно лингвистической точки зрения представляют структурные изменения, характерные для них. Общий вопрос формулируется так: что происходит с фонетикой, морфологией, синтаксисом и словарём исчезающего языка? Дело в том, что между исчезающим языком и «обычным» языком существует определённое структурное различие, которое связано со скоростью изменений, происходящих в фонологии, морфологии, синтаксисе и словаре исчезающего языка. Те изменения, которые в «нормальных» условиях обычно занимают столетия, в исчезающем языке могут произойти за несколько лет¹¹. Мы пришли к выводу, что исчезающий язык является в определённом смысле лабораторией, в которой процессы эволюции языка могут наблюдаться в момент их совершения. Некоторые из этих изменений могут интерпретироваться как «стандартные», т.е. в принципе они могут иметь место в любом языке. Другие структурные изменения представляются характерными лишь для исчезающего языка. Необходимо при этом учитывать, что сам по себе факт, что язык является исчезающим, не подразумевает того, что он обязательно должен претерпевать быстрые структурные изменения. Изменения характерны не для всех без исключения носителей. Структурные изменения, которые, возможно, являются характерными для языка, находящегося в состоянии исчезновения, следует, по-видимому, искать в первую очередь у носителей со средним уровнем языковой компетенции. Однако установить направление эволюции можно только исходя из сравнения с консервативным вариантом языка/диалекта, являющимся «точкой отсчёта». Существование носителей разного уровня компетенции способствует решению этой задачи, т.к. даёт возможность сравнения. Диалект Старошведского представляет в этой связи благоприятный материал, т.к. в его случае имеются носители с разным уровнем компетенции. Это создаёт основу для сравнения различных вариантов диалекта и позволяет нам изучать структурные изменения в нём. Что касается специфики языка консервативных и менее консервативных носителей, то сразу бросается в глаза различие в стабильности словоизменения и в объёме словаря. Высокая степень морфологического варьирования и узость исконного словаря (которая

---

¹¹ См. примеры и их обсуждение в: *N. Palosaari, L. Campbell. Structural Aspects of Language Endangerment // The Cambridge Handbook of Endangered Languages*, pp. 100–116; *L. Campbell, M. C. Muntzel. The Structural Consequences of Language Death // N. Dorian (ed.). Investigating Obsolescence: Studies in language contraction and death. Cambridge: University Press, 1989*, pp. 181–196. Ср. постановку проблемы в: *D. Crystal. Op. cit.*, pp. 22–23.

компенсируется посредством других языков — немецким, русско-украинским и стандартным шведским) — это основные черты менее консервативных носителей. По нашим наблюдениям, степень стабильности и сохранности морфологии и словаря зависит в целом от того, насколько значительной была роль диалекта в повседневном общении в детстве.

Ещё один важный фактор, который имеет значение для языковой структуры, — это то, что диалект Старошведского находился и находится в ситуации контакта с русско-украинским, немецким и стандартным шведским. Эта ситуация, как кажется, отражается прежде всего на среднекомпетентных носителях, т.к. пробелы во владении диалектом должны компенсироваться из других источников. Конкретные явления в диалекте Старошведского, вызванные этой ситуацией, требуют особого исследования¹².

Из особенностей грамматики среднекомпетентных носителей следует прежде всего указать на высокую частотность случаев свободного варьирования. Свободное варьирование в морфологии означает, что одно и то же грамматическое значение выражается несколькими формами, которые являются взаимозаменяемыми и употребляются без какой-либо закономерности. Свободное варьирование имеется и у консервативных носителей. Однако, в целом, употребление форм у них является достаточно предсказуемым. У среднекомпетентного носителя употребление той или иной формы перестаёт быть предсказуемым. При этом по сравнению с консервативными носителями количество форм не только не сокращается, а увеличивается. В качестве примеров рассмотрим следующие сегменты морфологии: личные местоимения, инфинитив и презенс слабых глаголов типа 1a и 1b, императив. Кроме этого, назовём некоторые явления из области лексики, которые характерны для интервью с ЭУ.

1. Изменения в системе личных местоимений

Сравним консервативную систему личных местоимений с личными местоимениями из интервью с Э. Утас.

Личные местоимения у консервативных носителей¹³ («сил.» — сильная форма, «сл.» — слабая форма):

---

¹² Обзор общих вопросов, связанных с теми последствиями контакта, которые важны для исчезающих языков, см. в статье: С. O'Shannessy. Language Contact and Change in Endangered Languages // The Cambridge Handbook of Endangered Languages, pp.78–99.

¹³ Подробности см. в статье: А. Е. Маньков. Диалект села Старошведское: материалы к описанию прилагательных и местоимений // Вестник ПСТГУ: Филология. № 3 (25). М., 2011.

	Ед. ч.			Мн. ч.		
	1 л.	2 л.	3 л.	1 л.	2 л.	3 л.
Субъект	<i>ja</i>	сил. <i>tö</i> ; сл. <i>-de</i>	м.: сил. <i>han</i> ; сл. <i>-en/-n</i>	<i>ve</i>	<i>ne</i>	сил. <i>tom</i> ; сл. <i>-dom</i>
Объект	<i>me</i>	сил. <i>te</i> ; сл. <i>-de</i>	ф.: сил. <i>hon</i> ; сл. <i>-on</i> п.: сил. <i>he</i> ; сл. <i>-e</i>	<i>os(s)</i>	<i>jär</i>	

Личные местоимения у ЭУ:

	Ед. ч.			Мн. ч.		
	1 л.	2 л.	3 л.	1 л.	2 л.	3 л.
Субъект	<i>ja</i>	сил. <i>tö, te</i> ; сл. <i>-de, -te</i>	м.: <i>han</i>	<i>ve, me</i>	<i>ne, nö</i>	сил. <i>tom</i> ; сл. <i>-dom</i>
Объект	<i>me</i>	<i>tö, de, dö</i>	ф.: <i>hon</i> п.: сил. <i>he</i> ; сл. <i>-e</i>	<i>os(s)</i>	<i>jär</i>	

Местоимения «ты», «он», «она», «оно», «они» имеют сильную и слабую фонетическую форму. Сильная форма используется в начале предложения (независимо от фразового ударения) и как правило в ударном положении, слабая форма является энклитикой. Эти закономерности были установлены нами на материале интервью с консервативными носителями. Несмотря на то, что в их речи встречаются случаи употребления сильных форм на месте слабых, распределение сильных и слабых форм прослеживается достаточно чётко (в противном случае данные закономерности вообще не были бы нами замечены и сформулированы). Что касается интервью с ЭУ, то в них также имеются примеры консервативного использования местоимений «ты» (в субъектной форме), «оно» и «они»¹⁴: *Tö*_{сил.} *för kamm titt hör* «Тебе надо причесать волосы»; *Ko kuka-de*_{сл.}? «Что ты варишь?»; *He*_{сил.} *blikstär o donar-e*_{сл.} «Сверкает молния и гремит гром» <*He blikstar o dunar-e*>; *Tom*_{сил.} *gräv kadeflar* «Они копают картошку»; *Kott kroka dom*_{сл.}? «Куда они лезут?». Однако очень часто сильные формы употребляются на месте слабых: *Ko gitsä-jö*? «О чем ты думаешь?» <*Ko gitsa-de*>; *Hund kan bīt tö* «Собака может тебя укусить» <*Hund kan bīt-de*>; *Ko kostar he*? «Сколько это стоит?» <*Ko kvüstar-e*>; *Kofére hindra tom me*? «Что они мне мешают?» <*Komfére hindä-dom me*>. Местоимения «он» и «она» вообще не встретились в слабой форме в проведённых с ЭУ интервью.

Наряду с употреблением сильных форм вместо слабых, в интервью с ЭУ имеются формы, возникшие вследствие контаминации сильной и слабой формы, а именно: 1) *te* «ты» в сильной форме (вместо *tö*) вследствие контаминации *tö* и *-de*: *Te ska änt kläga!* «Не жалуйся!» <*Klāa änt!*>; употребление *ska* в таком контексте нехарактерно для консервативных носителей»; *Te kan färkīla tö* «Ты можешь простудиться» <*Tö kan färkīla-*

¹⁴ В угловых скобках приводятся соответствующие формы и фразы из консервативного варианта диалекта.

de>. 2) *te* в слабой форме (вместо *-de*): *Kofére gävä-te ija svār?* ‘Почему ты не отвечаешь?’ <*Komfére svora-de änt?*>; *Kofére salta-te so hōle?* ‘Зачем ты так сильно солишь?’ 3) *dö* в объектной форме вследствие контаминации *-de* и *tö*: *Go roka dö!* ‘Иди купайся!’

Наконец, в интервью с ЭУ имеются формы, возникшие вследствие разнообразных контаминаций и употребляемые наряду с консервативными формами: 1) *me* ‘мы’ вследствие контаминации диал. *ve* ‘мы’ и рус. *мы*: *Me brās pankukar* ‘Мы печём блины’; *Me bosa vatn* ‘Мы греем воду’. 2) *sö* вследствие контаминации *se* и *tö*: *Kofére fräida-tö sö?* ‘Чего ты радуешься?’ <*Komfére fräida-de-de?*>. 3) *nö* вследствие контаминации *ne* и *tö*: *Kofére fräida se nö?* ‘Чего вы радуетесь?’ <*Komfére fräida-ne jār?*>. Все эти контаминированные формы отсутствуют у консервативных носителей.

Как видим, система личных местоимений ЭУ существенно отличается от консервативной системы. Базовое отличие заключается в том, что несмотря на случаи консервативного употребления, закономерности распределения форм являются намного менее жёсткими.

2. Изменения инфинитива и презенса глаголов 1-го спряжения (типы 1a и 1b)

В консервативном варианте диалекта глаголы этих типов имеют в инфинитиве и презенсе формы, образующиеся по следующим образцам¹⁵:

Тип	Инфинитив и мн. ч. презенса	Ед. ч. презенса
1a	<i>boka</i> ‘печь’	<i>boka-r</i>
1b	<i>vänt</i> ‘ждать’	<i>vänt-ar</i>
	<i>kļīstār</i> ‘белишь’	<i>kļīstr-ar</i>

В интервью с ЭУ глаголы типа 1a в инфинитиве и презенсе практически не отступают от консервативной модели и сохраняют относительное единообразие форм.

Примеры форм инфинитива из интервью с ЭУ: *boka* ‘печь’, *bosa* ‘греть’, *knōa* ‘месить’ (наряду с *knō*), *kora* ‘окучивать’, *kroka* ‘лезть, ползать’, *lōa* ‘готовить’, *mōļa* <*mōļa*> ‘молоть’ (форма *mōļa* появилась из-за ассоциации с *mōļ* ‘мука’; в презенсе ед. ч. ЭУ называет традиционную форму *mōļar*, мн. ч. *mōļa*), *roka* ‘мыться, купаться’, *skoļa* ‘чистить, снимать кожуру’, *skōa* ‘смотреть’, *smoka* ‘пробовать’, *toļa* ‘говорить’. Глагол *njōļa* ‘штопать’ <*nōļ*> перешёл в этот тип из 1b спряжения. Зафиксированными на данный момент отступлениями от традиционной формы являются инфинитивы *knō* и *skokka* <*skoka*> ‘трясти’.

В презенсе ед. ч. традиционные формы были названы у глаголов *boka*, *bosa*, *knōa*, *kora*, *kroka*, *lōa*, *skoļa*, *skōa*, *smoka*, *toļa*: *bokar* и т.д. Другие формы презенса (инфинитивы

¹⁵ Маньков А. Е. Словоизменение глаголов в диалекте села Старошведское // Вестник ПСТГУ: Филология. № 2 (28). М., 2012.

этих глаголов не были названы): *donar* <*dunar*> ('гремять, о громе'), *goḷar* ('кукарекать'). Отступления от традиционной формы в презенсе ед. ч. немногочисленны: 1) вместо ед. ч. употреблена форма мн. ч.: *Ja roka me kvār dāgen* 'Я моюсь каждый день'; *Ja njöḷa hūr kapetar* 'Я штопаю носки'; 2) окончание *-är*: *Ja knöär däi* 'Я замешиваю тесто'. У глагола 'месить' кроме форм *knöar* и *knöär* была названа форма *knājär*.

Презенс мн. ч. в консервативном варианте диалекта у глаголов типа 1a совпадает с инфинитивом; так же у ЭУ. Отступлением являются единичные случаи употребления формы ед. ч. там, где должна быть форма мн. ч.: *Tom honana tom goḷar* <*goḷa*> 'Петухи кукарекают'; *Ve korar* <*kora*> *kadeflar* 'Мы окучиваем картошку'.

Тип 1b, к которому у консервативных носителей относится большинство глаголов, вопреки ожиданиям является у ЭУ намного менее устойчивым. У глаголов, относящихся сюда, наблюдаются значительные отступления от консервативной модели, а именно: окончание *-a* в инфинитиве и в презенсе мн. ч. (вместо нулевого); окончание *-är* в презенсе ед. ч., которое взято из 2-го и 3-го спряжений; частое употребление форм множественного числа там, где должно быть единственное число, и наоборот. При этом, однако, сохраняется довольно много консервативных морфологических форм. Приведём примеры названных явлений.

Традиционными формами инфинитива глаголов типа 1b в интервью с ЭУ являются: *arbet* 'работать', *dans* 'танцевать', *däil* 'делить', *gräv* 'копать', *flēt* <*flēt*> 'плести', *föld (umm)* 'подшивать', *fräis/fräist* <*fräist*> 'примерять', *gift* 'травить', *gift ö* 'отравить', *hakk* 'полоть', *hisk* <*hikst*> 'икать', *hitt* 'находить', *kamm* 'причёсывать', *kūk* 'варить', *mölk* 'доить', *napp* 'собирать', *rūr* 'звать', *sall* 'гнать', *salt* 'солить', *skrī* 'кричать', *slaft* 'резать скот', *tapp (bot)* 'терять', *vask* 'стирать'. Примеры предложений с такой формой инфинитива: *Ja jär rädd de slaft gässana* 'Я боюсь резать гусей'; *Ja för mölk küda* 'Мне надо подоить корову'; *Ve gö more hakk kadeflar* 'Завтра мы будем полоть картошку'.

Примеры окончания *-a* в инфинитиве: *Ve gö more färga* <*färg*> *vägga* 'Мы завтра будем красить стены'; *Te för änt hindra* <*hindär*> *hon* 'Тебе нельзя ей мешать'; *Ja måste söga* <*sög*> *ot me värke* 'Мне надо напилить себе дров'; *Ja för sūpa* <*sūp*> *gōḷn* 'Мне надо подмести двор'; *Ja för sälda* <*säld*> *girm möl* 'Мне надо просеять муку'. Другие примеры: *frīa* <*frī*> (наряду с *frū*) 'сватать', *färkīla* <*färkīl*> 'простудиться', *kampa* <*kamp*> 'гремять, стучать', *klistra* <*klistär*> 'белить', *spütta* <*spütt*> 'плевать', *söüma* <*söüm*> 'шить', *torrka* <*torrk*> 'сушить', *vatna* <*vatn*> 'поливать'.

Примеры традиционной морфологической формы презенса ед. ч. (с окончанием *-ar*): *arbetar*, *blauzlar* ('стирать бельё с синькой'), *blinkar* ('моргать'), *blondar* <*blöndar*> ('смешивать'), *darrar* ('дрожать'), *dömbär* ('пылить'), *duppar* ('макать'), *färgar* ('красить'),

giftar *ō* ('отравить'), *gni[ç:]lar* ('скулить'), *grāvar* ('копать'), *hopsar* ('прыгать'), *kampar* ('стучать'), *kļukkar* <*kļukstar*> ('квохтать'), *knurrar* ('хрюкать'), *kūkar* ('варить'), *kostar* <*kvüstar*> ('стоять'), *lunkar* ('хромать'), *njaukar* <*mjaukar*> ('мяукать'), *möļkar* ('доить'), *plukkar* <*pļukkar*> ('собирать ягоды'), *rüttnar* ('гнить'), *salt* ('солить'), *slaftar* ('резать скот'), *sūpar* ('подметать'), *šlūrar* ('слоняться без дела'), *tappar boļt* ('терять'), *tarvar* ('нуждаться'), *torrkār* ('сушить'), *vaskar* ('стирать'), *vāntar* ('ждать').

Отступления ед. ч. от традиционной формы:

1) Окончание *-är*: *blikstār* <*bļikstar*> ('сверкать, о молнии'), *būār* <*būtar*> ('лечить'), *flētār* <*flētar*> ('плести'), *frīār* <*frīar*> ('сватать'), *fräisār* <*fräistar*> ('примерять'), *gitsār* ('думать'), *gäispār* <*gäispar*> ('зевать'), *skrīār* <*skrīar*> ('кричать'), *släppār* <*slāpar*> ('тащить'), *sōgār* <*sōgar*> ('пилить'), *söümār* <*söümar*> наряду с *söümar* ('шить'). В формах *däilār*, *skrīvār* (от *däil* 'делить', *skrīv* 'писать') окончание *-är* может быть исконным.

2) Вместо ед. ч. употреблена форма мн. ч. на *-a*: *Te färkīla se* <*färkīla-de*> 'Ты простудишься'. *Han hindra me mesäint* <*hindrar*> 'Он мне всё время мешает'. *Ja vatna nö gist rigōḡ* <*vatnar*> 'Я сейчас поливаю огород'.

Во множ. числе традиционная форма с нулевым окончанием встречается довольно редко. Примеры: *Tom bū brā* <*būt*> 'Они хорошо лечат'; *Tom fräis rokknar* <*fräist*> 'Они примеряют платья' (формы *bū*, *fräis* возникли вследствие восприятия *-t* как окончания претерита); *Tom grāv kadeflar* 'Они копают картошку'; *Tom kūk supp* 'Они варят суп'; *Kofére skrī dom?* 'Чего они кричат?'

Отступления презенса мн. ч. от традиционной формы:

1) Окончание *-a* вместо нулевого: *Tom dansa kvār kvēldn* 'Они танцуют каждый вечер'; *Tom arbeta hēr* 'Они работают здесь'; *Kofére fräida se nö?* <*fräid ne jār*> 'Чего вы радуетесь?'; *Hēr gifta se folk mä brämnen* <*gift*> 'Здесь люди травятся водкой'; *Ve slafta more patta* <*slaft*> 'Мы завтра нарежем утку'; *Tom tarva iḡatiḡ änt* <*tarv*> 'Им ничего не нужно'. Примеры таких форм мн. ч. многочисленны.

2) Окончание *-ar*, употреблённое во мн. ч.: *Ne färkīlar jār* <*färkīl*> 'Вы простудитесь'; *Hinse tom kļukkar* <*kļukst*> 'Куры, они квохчут'; *Svīna knurrar* <*knürr*> 'Свиньи хрюкают'; *Tom gō o sallar küdnar* <*sall*> 'Они идут и гонят коров'; *Ko tarva-ḡom?* <*Ko tarv dom?*> 'Что им нужно?'; *Kadeflar rüttnar* <*rüttn*> 'Картошка гниет' (в этом случае форма ед. ч. у глагола вызвана влиянием русского).

3) Окончание *-är*, употреблённое во мн. ч.: *Kūār brillār* (нем. *brillen*; исконное слово — *röüt*) 'Коровы мычат'; *Ve sjöḡḡär* <*sjöḡḡ*> *svänka salmar to kuma svänka hit* 'Мы поём шведские псалмы, когда сюда приезжают шведы'.

Употребление формы единственного числа на месте формы множественного, и наоборот, имеет важное последствие для грамматической категории числа. У консервативных носителей различение ед. и мн. ч. в презенсе является устойчивым, неразличение и смешение форм ед. и мн. ч. воспринимается ими как ошибка. У ЭУ, судя по имеющемуся на данный момент материалу, преобладают случаи, когда ед. и мн. ч. различаются (даже если их формы перестроены). Однако имеется значительное число примеров совпадения чисел, причём в этом случае может обобщаться как форма единственного, так и множественного числа.

Примеры различения ед. и мн. числа: *Ko frōgar han?* ‘Что он спрашивает?’ ~ *Tom frōga me* ‘Они меня спрашивают’ (шв. *fråga*; исконная диалектная форма — *frōa*, тип 1a); *Ja lōar middan* ‘Я готовлю обед’ ~ *Ve lōa middan* ‘Мы готовим обед’; *Ko skōa-ḡe po me?* ‘Что ты смотришь на меня?’ ~ *Ko skōa dom?* ‘Что они смотрят?’; *Ja smokar suppa* ‘Я пробую суп’ ~ *Tom smoka vālij* ‘Они пробуют суп’; *Ja tolar po tisk* ‘Я говорю по-немецки’ ~ *Ve tola tikkle po tisk* ‘Мы часто говорим по-немецки’; *Hon arbetar tēr* ‘Она работает там’ ~ *Tom arbeta hēr* ‘Они работают тут’; *Ko fere frāida-tō sō?* ‘Чего ты радуешься?’ ~ *Ko fere frāida se nō?* ‘Чего вы радуетесь?’; *Te fārķīla se* ‘Ты простудишься’ <*Te fārķīla-ḡe*> ~ *Ne fārķīlar jār* ‘Вы простудитесь’ <*Ne fārķīl jār*>; *Ja stivār upp bittle* ‘Я рано встаю’ ~ *Tom stiv upp säint* ‘Они поздно встают’; *Ja vāit änt* ‘Я не знаю’ ~ *Ve vīta änt* ‘Мы не знаем’.

Примеры совпадения ед. и мн. ч.; обобщена форма ед. ч.: *Honan goļar* ‘Петух кукарекает’ ~ *Tom honana tom goļar* ‘Петухи кукарекают’; *Ja korar kadeflar* ‘Я окучиваю картошку’ ~ *Ve korar kadeflar* ‘Мы окучиваем картошку’. Обобщена форма мн. ч.: *Nō gist kora ja kadeflar* ‘Я сейчас как раз окучиваю картошку’ ~ *Ve kora nō kadeflar* ‘Мы окучиваем сейчас картошку’; *Ja roka me kvār dāgen* ‘Я моюсь каждый день’ ~ *Tom roka se kvār dāen* ‘Они купаются каждый день’; *Han hindra me mesāint* ‘Он мне всё время мешает’; *Ko fere hindra han hon?* ‘Чего он ей мешает?’ ~ *Tom hindra me* ‘Они мне мешают’; *Ko fere hindra tom me?* ‘Что они мне мешают?’

3. Изменения формы императива

У консервативных носителей императив устойчиво различает форму ед. и мн. ч. Форма ед. ч. имеет нулевое окончание и совпадает с инфинитивом, окончанием мн. ч. императива является *-e*. Формы императива в интервью с ЭУ характеризуются рядом существенных преобразований. Наиболее устойчивой, как и следовало бы ожидать, является форма ед. ч. Традиционная форма мн. ч., наоборот, является редкостью, вместо неё регулярно употребляется форма ед. ч. Противопоставление ед. и мн. ч. во многих примерах сохраняется не за счёт окончаний, а за счёт добавления местоимения *ne* ‘вы’ во

мн. ч. Имеются, однако, случаи полного неразличения ед. и мн. ч. в императиве (как в стандартном шведском). Наконец, существенной особенностью является частое употребление описательной конструкции с глаголом *ska* вместо синтетического императива, причём конструкции такого типа называются в ответ на просьбу перевести русскую синтетическую форму императива. Подобное употребление *ska* не встречается в интервью с консервативными носителями.

Примеры традиционной морфологической формы ед. ч. императива: **Bosa vatn** 'Нагрей воды!'; **Kroka e källan o hänt kadeflar!** 'Лезь в подвал и достань картошки!'; **Pätt boṭṭ pännṇana!** 'Спрячь деньги!'; **Däil sundär po hälpatt** 'Подели пополам!'; **Gits soṭe!** 'Думай сам!'; **Jäg üt katta fron stüe!** 'Выгони кошку из комнаты!'; **Rädd änt ö hon!** 'Не пугай её!'; **Skiff unde de!** 'Подвинься!'; **Süp hüp göḍṇ!** 'Подмети двор!'; **Ja tarvar mölk, hänt ot me mölk!** 'Мне нужно молоко, принеси мне молока!'; **Bräs pankukar!** 'Испеки блинов!'; **Glimm änt boṭṭ de kumma!** 'Не забудь прийти!'; **Smär brē mä smēr!** 'Намажь хлеб маслом!'; **Stäiv upp bittlare!** 'Встань раньше!'. Другие примеры: *arbet* 'работай', *bind fast* 'привяжи', *bittal* <*bital*> 'заплати', *bränn upp* 'сожги', *drikk* 'пей', *färg* 'покрась', *gö* 'иди', *gröt änt* 'не плачь', *gäv* 'дай', *hitt* 'найди', *häis inn* 'начерпай', *häll inn* 'налей', *hölp* 'помоги', *köp* 'купи', *kumm* 'приходи', *kük* 'свари', *lēs* 'замкни', *lön* 'займи', *läiv ö* 'перестань', *läss* 'читай', *rüp* 'позови', *ränn* 'бегги', *sjö!* 'продай', *skrīv* 'напиши', *skär* 'режь', *still* 'покорми', *stö* 'стой', *sträi* 'посыпь', *sitt* 'сиди', *sätt* 'сажай', *sü* 'спи', *tä* 'бери', *trü* 'верь'.

Отступлением от традиционной модели ед. ч. императива являются формы с отпавшим *-a* у глаголов типа 1a: *bok* 'пеки' (вместо *boka*), *krokk* 'лезь' (наряду с *kroka*), *frö* <*fröa*> 'спроси', *lö* <*löa*> 'приготовь', *skö* <*sköa*> 'смотри', *smok* 'попробуй' (наряду со *smoka*).

Примеры традиционной формы мн. ч. императива (с окончанием *-e*): **Arbete!** 'Работайте!'; **Glimme änt boṭṭ de köp mölk** 'Не забудьте купить молока!'; **Köpe mölk!** 'Купите молока!'; **Göje roka ne!** 'Идите купайтесь!'. Вместо традиционной формы во мн. ч. регулярно называется форма с нулевым окончанием, т.е. *boka* (вместо *bokae*), *kroka* <*krocae*>, *skoḷa* <*skoḷae*>, *smoka* <*smokae*>, *toḷa* <*toḷae*>, *däil* <*däile*>, *färg* <*fäрге*>, *skrīv* <*skrīve*>, *hitt* <*hitte*>. Имеются также примеры с окончанием *-a* во мн. ч. императива (под влиянием стандартного шведского): **Küka ne supp!** 'Сварите суп!'; **Hindra me änt!** 'Не мешайте мне!'

Как говорилось, консервативные носители последовательно противопоставляют формы ед. и мн. ч., как в презенсе, так и в императиве. ЭУ также стремится сохранить это противопоставление (несмотря на то, что сами по себе эти формы очень часто являются перестроенными). Примеры: **Bok brē!** 'Испеки хлеб!' ~ **Boka ne brē** 'Испеките хлеб!'; **Pätt**

boŕt päŕŕjana! ‘Спрячь деньги!’ ~ *Pätte boŕt tom päŕŕjana!* ‘Спрячьте деньги!’; *Krokk (inn) e källan!* ‘Лезь в подвал!’ ~ *Kroka ot källan!* ‘Лезьте в подвал!’; *Go roka dö!* ‘Иди купайся!’ ~ *Göje roka ne!* ‘Идите купайтесь!’; *Skö! kadeflar!* ‘Чисть картошку!’ ~ *Skoŕa ne kadeflar!* ‘Почистите картошку!’; *Skö hitt!* ‘Смотри сюда!’ ~ *Sköa ne hitt!* ‘Смотрите сюда!’; *Smok äñ äñ goŕŕ suppa!* ‘Попробуй ещё раз суп!’ ~ *Smoka ne väliŕ!* ‘Попробуйте суп!’; *Skär brē!* ‘Нарежь хлеб!’ ~ *Skärte brē!* ‘Нарежьте хлеб!’ (с окончанием *-te* < рус. *-me*); *Kük supp!* ‘Свари суп!’ ~ *Küka ne supp!* ‘Сварите суп!’; *Sü!* ‘Спи!’ ~ *Söa!* ‘Спите!’ В приведённых примерах различение ед. и мн. ч. является синтетическим.

Примеры различения чисел посредством добавления *ne* ‘вы’ во мн. ч.: *Gräv kadeflar!* ‘Копай картошку!’ ~ *Gräv ne kadeflar!* ‘Копайте картошку!’; *Sköa hitt!* ‘Смотри сюда!’ ~ *Sköa ne hitt!* ‘Смотрите сюда!’; *Smoka äñ äñ goŕŕ suppa!* ‘Попробуй ещё раз суп!’ ~ *Smoka ne väliŕ!* ‘Попробуйте суп!’; *Toŕa po tisk!* ‘Говори по-немецки!’ ~ *Toŕa ne po tisk!* ‘Говорите по-немецки!’; *Skriv brēven ot me!* ‘Напиши мне письмо!’ ~ *Skriv ne tikklare ot me!* ‘Пишите мне чаще!’; *Riv pürkana!* ‘Потри морковку!’ ~ *Riv ne pürkana!* ‘Потрите морковку!’; *Däil sundär po hälpatt!* ‘Подели пополам!’ ~ *Däil ne po hälpatt!* ‘Поделите пополам!’; *Hitt he!* ‘Найди это!’ ~ *Hitt ne he!* ‘Найдите это!’

Наконец, имеются отдельные примеры полного отсутствия различия ед. и мн. ч. в императиве: *Hindra me änt!* ‘Не мешай мне!’ ~ *Hindra me änt!* ‘Не мешайте мне!’; *Kroka e källan!* ‘Лезь в подвал и достань картошки!’; *Kroka änt hitt!* ‘Не лезь сюда!’ ~ *Kroka ot källan!* ‘Лезьте в подвал!’; *Kroka änt hitt!* ‘Не лезьте сюда!’.

Примеры описательных конструкций со *ska*: *Te ska änt kläga!* ‘Не жалуйся!’; *Ne ska änt kläga!* ‘Не жалуйтесь!’; *Tö ska änt färkilas!* ‘Не простудись!’; *Ne ska bräs pankukar!* ‘Испеките блинов!’; *Ne ska skoŕa kadeflar!* ‘Почистите картошку!’; *Ne ska änt rädd ö dom!* ‘Не пугайте их!’; *Te ska änt skrī!* ‘Не кричи!’ ~ *Ne ska änt skrī!* ‘Не кричите!’

4. Некоторые особенности лексики

Основной чертой интервью с ЭУ является ограниченность диалектного словаря. Ниже перечислены глаголы, которые, судя по проведенным к настоящему времени интервью, ей либо совершенно неизвестны, либо не входят в активный словарь и не называются в ответ на просьбу перевести их (список далеко не полный): *boŕt* ‘мазать (кистью)’, *bukkas* ‘бодаться’, *bölm* ‘взбалтывать’, *bürr* ‘жужжать’, *bün//bünas* ‘нарывать’, *daft* ‘болтать’, *daftiŕ* ‘болтать’, *damp* ‘хвалить’, *damp se* ‘хвастаться’, *dī* ‘сосать молоко’, *finn/tfinn* ‘скручивать две нитки в одну, сучить; опутывать’, *fīl* ‘точить напильником’, *fliŕ (se)* ‘морщиться’, *floŕs* ‘ляпать’, *floŕt//floŕtas* ‘болтаться’, *fläkke* ‘разделять рыбу’, *fliänt* ‘тяжело дышать’, *fäll* ‘ронять’, *glīs* ‘скалить зубы’, *gnägge* ‘ржать’, *svora* ‘отвечать’, *färlöt*

‘прощать’, *gnāl* ‘ворчать’, *hävjas* ‘подниматься (о тесте)’, *kļāps* ‘щёлкать, слегка ударять’, *knall* ‘щёлкать кнудом’, *korest* ‘делать уборку’, *lēn* ‘таять’, *narr* ‘дразнить’, *nikk* ‘дремать’, *njörk* ‘квакать’, *prīt (inn)* ‘заваривать’ (в этом значении используется только *kūk*), *räig (upp) se* ‘расстроиться’, *röüt* ‘мычать’, *skjöle* ‘полоскать’ (известен только глагол *vask* ‘стирать’), *släkke* ‘гасить’, *smitt* ‘мазать (глиной); штукатурировать’, *sprōj* ‘бегать, о животных’ (используется только *ränn*), *stirke* ‘крахмалить’, *stäit* ‘спотыкаться’, *ställ* ‘ставить’, *sun̄n ō* ‘уснуть’ (только *sōa*: *Han sūär räi* букв. «он уже спит» в ответ на просьбу перевести «он уже уснул»; *Ja kann änt sōa* букв. «я не могу спать» как перевод «я не могу уснуть»).

В интервью с консервативными носителями наряду с глаголом, имеющим более общее значение (гипероним), употребляются глаголы с более узкими значениями (гипонимы). В имеющихся интервью с ЭУ существует тенденция к употреблению только гиперонима. Так, у консервативных носителей основным глаголом в значении «закрывать» является *säte fast*, наряду с ним используется *hoka fast* со значением ‘закрывать на крючок’: *Ja hoka dänna fast* ЛУ ‘Я закрыла дверь на крючок’. ЭУ называет только первый глагол: *Ja satt fast dänna po hakken* ‘Я закрыла дверь на крючок’. Наряду с *bigge* ‘строить’ консервативные носители используют *mī(ä)r* ‘строить стену’ (т.е. строить из кирпичей): *Tom mīd mūr upp* ЛУ ‘Они построили забор (из кирпичей)’. ЭУ называет только *bigge*: *Tom bigg vägg(j)a* ‘Они построили стену’. В интервью с консервативными носителями встречается глагол *fläi* ‘подниматься (о воде при паводке)’. Этот глагол неизвестен ЭУ, вместо него используются *väks* и *tā upp se*: *Vatn väksär* ‘Вода поднимается’ («растёт»); *Vatn tū upp se* ‘Вода поднялась’. То же относится к глаголам *rinn* ‘течь’ и *läke* ‘протекать (например, о крыше)’: ЭУ использует только первый глагол: *Tāke rinndär* ‘Крыша протекает’. У консервативных носителей наряду с глаголом *bind* ‘связывать’ встречается глагол *bändl* ‘вступать в связь, связываться’ (*bändl hūp se, bändl de hūp se*): *Han bändla hūp se me-on* ЛУ ‘Он с ней связался’; *Konntjōļ bändla han de hūp se me-on?* ЛУ ‘Зачем он с ней связался?’ ЭУ называет в этом значении более распространённый глагол *bind*: *Kofére band hon hūp se mä än slikkär drukkendär?* ‘Зачем она связалась с такой пьяницей?’

Другой чертой интервью с ЭУ является употребление описаний там, где консервативные носители могут использовать особый глагол (который, судя по имеющемуся материалу, неизвестен ЭУ). Так, например, вместо глагола *svora* ‘отвечать’ ЭУ использует выражение «давать ответ»: *Kofére gävä-te iņa svār?* ‘Почему ты не отвечаешь?’ В ответ на просьбу перевести предложение «что он ответил?» даётся фраза *Ko sā han?* ‘Что он сказал?’ Вместо глагола *hita* ‘греть’ — выражение «делать тёплым»: *Ja hār vatn gjūt häitt* ‘Я нагрела воды’. Вместо глагола *īr* ‘мести, о снеге’, хорошо знакомого

консервативным носителям, ЭУ называет выражение «падает снег»: *Snjū falldär*. Ср. предложение из интервью с ЛУ, где *īr* употреблён в претерите и в перфекте: *He īd all stīgar fast, he snīd o īd, o har all stīgar fast-īd* ЛУ 'Замело все тропинки, шёл снег и мело, и полностью замело все тропинки'. Вместо глагола *hāl* 1b 'идти, о граде' ЭУ называет *hāl kumär* (консервативным вариантом было бы *he hālar*). Вместо *hust* 1b 'кашлять' — «иметь кашель»: *Ja hār husten, min hāš värkär* 'У меня кашель, болит горло'.

Разграничение внутренних и внешних факторов лингвистических изменений

Документирование языка, находящегося под угрозой исчезновения, является сравнительно новой сферой лингвистики. Поэтому при изучении исчезающего языка (и, в частности, диалекта села Старошведское), приходится сталкиваться с явлениями и процессами, мало описанными в литературе. При их фиксации и осмыслении неизбежно возникает вопрос, как их следует характеризовать. Прежде всего, мы считаем, необходимо разграничивать изменения, вызванные внутрисистемными факторами, и изменения, которые вызваны экстралингвистическими факторами, т.е. различными внешними причинами, связанными с условиями существования языка. Так, например, новообразования в результате аналогии или контаминации возникают в любом языке и сами по себе не обязательно вызваны недостаточным владением языком. С другой стороны, резкое увеличение количества новообразований, находящихся в свободном варьировании, может быть вызвано экстралингвистическими факторами.

Диалект Старошведского, в отличие от закреплённого нормой стандартного литературного языка, далёк от единообразия и представлен рядом разновидностей, существование которых вызвано, прежде всего, разным уровнем языковой компетенции носителей. Диалект не следует воспринимать как привычный литературный язык и ограничиваться изучением его консервативного варианта, расценивая отступления от консервативных форм как неправильности в традиционном смысле.

Что касается рассмотренных выше примеров морфологического варьирования, следует отметить, что при всём разнообразии его случаев, в нём участвует ограниченное число морфологических элементов. Так, в варианте диалекта среднекомпетентного носителя при образовании презенса в варьировании участвуют следующие окончания: *-r*, *-ar*, *-är*, *-a* и нулевое. Все эти морфемы имеются и в консервативном варианте и сами по себе не являются специфическими для какой-либо группы носителей. Контаминации в рассмотренных выше случаях так же возникают из ограниченного числа элементов, которые известны как консервативным, так и среднекомпетентным носителям. Именно закрытость списка базовых морфем позволяет в данном случае говорить о вариантах

одного диалекта/языка, а не о разных диалектах/языках. В рассмотренных примерах из морфологии отличие консервативных носителей от среднекомпетентных заключается, прежде всего, в большей предсказуемости употребления форм у первых и в снижении этой предсказуемости у вторых.

В заключение подчеркнём, что сейчас преждевременно делать какие-либо окончательные выводы и создавать общую теорию структурных изменений в исчезающих языках. Основной задачей является интервьюирование всех типов носителей с целью как можно более полного сбора фактического материала.

Ключевые слова: исчезающие языки, документирование исчезающих языков, лингвистические изменения, морфологические изменения, морфологическое варьирование, контаминация, лексические изменения, консервативные носители, среднекомпетентные носители, село Старошведское, шведские диалекты

A. Mankov

The Problem of Structural Change in an Endangered Language

Due to the ongoing process of rapid decrease in the number of spoken languages, the most important task of linguistics today is to document and describe endangered languages (Dixon 1997: 144; see also Crauss 1992; Crystal 2000). Among issues associated with endangered languages one of the most linguistically significant is structural changes taking place in such languages (Campbell, Muntzel 1989; Palosaari, Campbell 2011). The general question is: what is going on with phonetics, morphology, syntax and vocabulary of an endangered language?

Studying changes which take place in endangered languages, one should distinguish between those which are caused by internal factors and those caused by extralinguistic factors. For example, innovations which appear by analogy or due to contamination are found in any language and should not necessarily be caused by insufficient language competence. On the other hand, the rapid increase in the number of such forms and in the frequency of free variation (in morphology the situation when the same grammatical meaning is expressed by several forms which are interchangeable and occur without any regularity) may be caused by certain external factors.

The paper describes linguistic situation in the village of Gammalsvenskby, Ukraine, where a Scandinavian dialect is preserved by a number of elderly people. This dialect is represented by several varieties, which are accounted for by different levels of language competence of its speakers. The main types of speakers of endangered languages, distinguished on the basis of the language competence, are fluent speakers, semi-speakers, terminal speakers (Dorian 1977; Grinevald, Bert 2011); all these types are present in Gammalsvenskby. The dialect should not be likened to a uniform standard language, and its description should not be restricted to the most conservative variety. This variety serves as a starting point in the research, while material obtained from less conservative speakers provides opportunity for comparison and allows us to study structural changes taking place in the dialect. The paper discusses examples of change in the following segments of morphology: personal pronouns (cf. Mankov 2011), infinitive and present tense of weak verbs of types 1a and 1b (Mankov 2012), imperative; some characteristics of the vocabulary are examined as well. The basic feature of the less conservative speakers is high frequency of free variation. Free variation exists in the conservative variety of the dialect as well. However, the

occurrence of forms there is quite predictable, whereas the occurrence of forms in the speech of less conservative speakers becomes unpredictable. Besides, not only does the number of forms not decrease, it increases. Despite the diversity of variation, only a limited number of morphemes take part in it. In the present tense the following endings take part in the variation: *-r*, *-ar*, *-är*, *-a*, *-Ø*. All these endings occur in the conservative variety as well and are not specific to any group of the speakers. The list of basic morphemes is restricted, which allows us to speak of the varieties of the same dialect, not of different dialects.

Keywords: endangered languages, documentary linguistics, linguistic change, morphological change, morphological variation, contamination, lexical change, fluent speakers of endangered languages, semi-speakers, Gammalsvenskby, Swedish dialects